«Малые дела» в российском коммунитарном движении

И.А. Гордеева

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Исторического факультета Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва). 105062 Москва, ул. Покровка, 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

В статье на примере идей и деятельности А.Н. Энгельгардта (1832–1893) и Н.Н. Неплюева (1851–1908) рассматривается начальный период возникновения коммунитарного варианта «теории малых дел» в русском народничестве 1870–1890-х годов. Проекты Энгельгардта и Неплюева объединяла их принадлежность к коммунитарному направлению общественного движения, ориентация на практическую реализацию идей, а также то, что они оба были помещиками, по-новому поставившими вопрос о роли своего сословия в обновленной реформами стране.

Специфика общественных идеалов Неплюева и Энгельгардта заключалась в том, что они рассматривали свои идеи как альтернативу и насильственной революции, и либеральной программе преобразования страны. Они настаивали на том, что методы улучшения общества должны быть непременно мирными, связанными с повседневной преобразовательной деятельностью (в духе «теории малых дел») на локальном уровне, учитывать общинные традиции русского народа, но в то же время радикальными, направленными на коренное переустройство общества и самого характера отношений между людьми и социальными группами.

Поставив перед собой цель сделать русскую деревню культурной, Энгельгардт создал проект создания «интеллигентных мужиков» из образованных людей, базой для их «производства» стало его имение Батищево в Смоленской губернии конца 1870-х — начала 1880-х годов. Неплюев, наоборот, пытался получить «интеллигентных крестьян», давая сельскохозяйственное образование и христианское воспитание крестьянским детям. Результатом реализации его идей стало Православное Крестовоздвиженское Трудовое Братство, которое сочетало в себе идею христианской общины и трудовой артели (1890-е гг. — конец 1920-х годов).

Ключевые слова: теория малых дел, российское коммунитарное движение, А.Н. Энгельгардт, Н.Н. Неплюев, Крестовоздвиженское Трудовое Братство, русское народничество

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-88-105

«Теория малых дел», если рассматривать ее в максимально широкой трактовке как целый комплекс идей, направленных на теоретическое обоснование необходимости отказа от политической борьбы за изменение общественного строя и поиск форм созидательной деятельности интеллигенции на благо народа, сложилась в контек-

сте культурнического направления русского народничества, которое в конце 1870-х — 1880-е годы переживало идеологический кризис. Также ее появление было реакцией на неудовлетворенность общества результатами «либеральных» «Великих реформ», от которых ждали скорых и ощутимых позитивных изменений.

Коммунитарный вариант этой «теории», который возник в те же годы в среде «богочеловеков» А.К. Маликова, «интеллигентных мужиков» А.Н. Энгельгардта, участников «интеллигентных» земледельческих общин, толстовских колоний и устроителей общин, аналогичных Трудовому Братству Н.Н. Неплюева, остается малоизученным, несмотря на то что именно его коммунитаризм позволяет связать это явление с аналогичными зарубежными движениями и проследить его судьбу вплоть до наших дней.

Коммунитарное движение — это один из четырех способов проведения в жизнь социальных преобразований (наряду с буржуазным индивидуализмом революционным способом изменения общества и реформизмом, стремящимся к постепенному введению социальных новшеств). Его участников объединяет цель изменения общества путем внутреннего духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины. Особенно важную роль коммунитаризм играл в XIX–XX веках в истории США, где его идеалы считаются важной характеристикой национального самосознания (Грунт, 1990). В России первые коммунитарные проекты совместной жизни и общего труда, имевшие целью указать путь к реорганизации всего общества, были задуманы еще в 40–50-е годы XIX века. С конца 1860-х годов мечты о самосовершенствовании в общине единомышленников все чаще стали воплощаться в практической деятельности, а стремление к организации «экспериментальных» общин приняло массовый характер и стало заметным общественным настроением (Гордеева, 2000)[1].

Задачей моей статьи является зафиксировать начальный период появления коммунитарной «теории малых дел» на примере возникновения двух направлений этого движения, одно из которых представлено идеями и деятельностью А.Н. Энгельгардта, а другое — Н.Н. Неплюева. Их объединяет не только коммунитарный характер и практическая направленность идей, но и то, что они оба были помещиками, по-новому поставившими вопрос о роли своего сословия в обновленной реформами стране. Они оба хотели видеть русскую деревню культурной, и если Энгельгардт задумал проект создания «интеллигентных мужиков» из образованных людей, то Неплюев, наоборот, пытался получить «интеллигентных крестьян» через сельскохозяйственное образование и христианское воспитание детей народа.

1. Материалы данной статьи являются переработанной версией тех частей диссертации, в которых речь идет о «батищевском эксперименте» и Трудовом Братстве Н.Н. Неплюева.

ИСТОРИЯ

Первый вариант коммунитарной «теории малых дел» связан с именем Александра Николаевича Энгельгардта (1832–1893). Энгельгардт известен в основном своими «Письмами из деревни», и гораздо меньше внимания уделяется его опыту по воспитанию в его имении Батищеве Дорогобужского уезда Смоленской губернии «интеллигентных мужиков» (конец 1870-х — начало 1880-х гг.) (подробнее см.: Гордеева, 2000: 126-156).

Бывший офицер-артиллерист и профессор химии, Энгельгардт был сослан в Батищево Смоленской губернии в 1871 году, и за несколько лет превратил ранее запущенное имение в «хозяйственное Эльдорадо». Благодаря «Письмам из деревни», которые впервые появились в № 5 «Отечественных записок» за 1872 год, к концу 1870-х батищевское хозяйство стало знаменитым. Агрономическим опытом Энгельгардта заинтересовались правительство, сельскохозяйственные учебные заведения, географическое и вольно-экономическое общества, земства и частные лица. Однако этот трезво мысливший хозяин, «делец, практик с удивительными организаторскими и предпринимательскими способностями» ([А.] [Н.] Энгельгардт, 1893), был озабочен не только проблемой доходности своего хозяйства, его волновало будущее страны, поэтому он предложил собственный проект общественного развития России в духе «теории малых дел».

Идея «интеллигентной деревни» возникла у Энгельгардта около 1877 года. Ему стало ясно, что главная беда российского сельского хозяйства — в отсутствии в селе образованных людей, в том, что знания, получаемые на народные деньги, не возвращаются крестьянам, отсутствует связь между теорией и практическими нуждами сельского хозяйства. В седьмом «Письме», опубликованном в 1879 году, он писал: «А где же теперь прогресс в хозяйстве? Кому же известно то, что выработано наукой, и кем оно применяется? Где, кроме дутых фальшивых отчетов, существует это пресловутое рациональное хозяйство? Что вышло из всех этих школ, в которых крестьянские мальчики отбывали агрономию? Что вышло из этих опытных хуторов, ферм, учебных заведений? Что они насадили? Да, наконец, куда деваются агрономы, которых выпускают учебные заведения? Одни идут чиновниками в коронную службу, другие идут такими же чиновниками на частную службу, где прилагают свои агрономические знания к нажиму крестьян посредством отрезок, выгонов» (Энгельгардт, 1999а: 303).

Энгельгардт пришел к убеждению, что помочь деревне можно только в том случае, если в нее вернутся культурные силы, которые можно создать путем воспитания из образованных горожан (к какому бы сословию они ни принадлежали) настоящих сельских хозяев, не только обладающих знаниями по агрономии, химии и другим необходимым для сельского хозяйства наукам, но и умею-

щих своими руками выполнить любую крестьянскую работу. Чтение специальной литературы и практику, которую проходят студенты сельскохозяйственных учебных заведений, Энгельгардт признавал недостаточными: «По моему мнению, человеку из интеллигентного класса нужно пробыть некоторое время *работником*, действительно *поработать* наряду с мужиком, *выучиться работать*, испытать на себе сельскохозяйственную *дисциплину*, воочию увидать, какое значение имеют в хозяйстве *стихийные силы*»[2].

Это тем более необходимо, что в нашей стране, с точки зрения Энгельгардта, отношение к физическому труду специфическое: русские люди работать не умеют и не любят, в России считается, что «работать стыдно! Страшно, если образованный человек работает — неспроста должно быть!». За границей — иначе: американцы, немцы и прочие европейцы уважают людей труда и сами не брезгуют им заниматься. «Почему же немец умеет? — спрашивал Энгельгардт. — Потому что он там у себя в Неметчине был работником-слесарем, пахарем и проч. Потому что там *не зазорным считается быть образованным и в то же время работать*... Образованный швейцарец варит сыр, доит коров; образованный немец работает на механическом заводе, управляет машиной; образованный американец пашет, косит, молотит. А у нас — работать — это стыдно, это страшно. Барин, хотя бы этот барин был только кончивший гимназию крестьянин, и вдруг работает, пашет! Как это можно? Барышня — и коров доит, какой срам! Или: это неспроста!»[3] «У американца труд в почете, а у нас в презрении: это, мол, черняди приличествует. Какая-нибудь дьячковна, у которой батька зажился, довольно пятаков насобирал, стыдится корову подоить или что по хозяйству сделать: я, дескать, образованная, нежного воспитания барышня», — сокрушался Энгельгардт (Энгельгардт, 1999а: 351).

Однако кто же согласится на такие жертвы, кому захочется поменять городской комфорт, защищенность и благополучие на тяжкий труд с негарантированными результатами, материальные лишения и отсутствие культурного общения? Разница в оплате физического и умственного (не только чиновничьего, но и интеллигентного) труда в то время была очень велика. В поиске таких людей Энгельгардт сделал ставку на молодежь — самую беспокойную, идеалистически настроенную, энергичную, мобильную и альтруистичную часть общества. «Мало ли теперь интеллигентных людей, которые, окончив ученье, не хотят удовлетвориться обычною деятельностью — не хотят идти в чиновники? — писал он. — Люди, прошедшие университет, бегут в Америку и заставляются простыми работниками у американских плантаторов. Почему же думать, что не найдется людей, которые, научившись работать по-мужиц-

2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 181. Л. 8.
3. Там же. Л. 8 об., 9.

ки, станут соединяться в общины, брать в аренду имения и обрабатывать их собственными руками при содействии того, что дает знание и наука» (Энгельгардт, 1999а: 304).

В седьмом и десятом «Письмах» (1879, 1881) Энгельгардт обратился к интеллигенции с призывом «сесть на землю»: «Неужели же участь всех интеллигентных людей служить, киснуть в канцеляриях? Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей? <...> Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику. Он нужен потому, что нужен свет для того, чтобы разогнать тьму. Великое дело предстоит интеллигентным людям. Земля ждет их, и место найдется для всех» (Энгельградт, 1999а: 391, 393). Он был убежден в том, что его идея в случае успешной реализации сможет преобразить Россию: «Нам более всего нужны интеллигентные мужики, деревни из интеллигентных людей, что от этого зависит наше будущее. Если бы ежегодно хотя 1000 человек молодых людей из интеллигентного класса, получивших образование, вместо того, чтобы идти в чиновники, шли в мужики, садились на землю, мы скоро достигли бы таких результатов, которые удивили бы мир. Я верю, что в этом призвание русской интеллигентной молодежи» (Энгельгардт, 1999а: 448).

Решаясь на свой эксперимент, Энгельгардт связывал надежды на успех с тем, что искомое им настроение уже бытовало в среде молодежи. «Своим горбом созидать культуру в каком-нибудь медвежьем углу» (Осадчий, 1897: 3) — таково было стремление народников «культурнического» направления в 1870-е годы. Чаще всего «вернуть долг народу» они предполагали в виде агрономических знаний, просвещения, медицинской и юридической помощи. Но среди воспитанников Энгельгардта сильнее были иные настроения: они стремились служить народу не столько в качестве чиновников и представителей интеллигентных профессий («нравственность» подобных профессий подвергалась сомнению), но встать самим на место мужика, «влезть в его шкуру», «опроститься», предвосхищая в этом отношении толстовцев. Осуждение негативных последствий процесса разделения труда — обычный мотив коммунитарной критики современной цивилизации. Эти последствия стремились преодолеть, стирая границы между сословиями и пытаясь заниматься одновременно умственным и физическим трудом (Кривенко, 1879). К концу 1870-х годов подобное стремление уже породило особое направление общественного движения — движение интеллигенции «на землю».

В январе 1879 года один из первых учеников Энгельгардта, «севший на землю», З.С. Сычугов писал ему из уфимской «интеллигентной» колонии: «Ведь этот факт (отречение от чиновничьей карьеры в пользу личного мужицкого труда) — ведь знамение времени? В хорошее время мы живем, Александр Николаевич!»[4]. Примечательно,

4. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Д. 189. Л. 21. об.

что Сычугов использовал выражение «знамение времени». Для семидесятников оно было хорошо знакомым — это название вышедшего в 1869 года романа Д.Л. Мордовцева, чрезвычайно популярного среди народников «культурнического» направления (Харламов, 1990: 164). Герои «Знамения времени» и повести Мордовцева «Новые русские люди» мечтают не о революции, а о труде, о слиянии с народом, они отвергли «звериный закон» революции и пошли в народ «не бунты затевать и не учить его», а самим «учиться у него терпению, молотьбе и косьбе». С выпиской из «Знамений времени», которую в полиции приняли за «программу партии», Сычугов был арестован в 1874 году: «Мы идем в народ, в курные избы и будем там жить, будем там пахать и сеять — не современные идеи, а просто рожь, ячмень и пшеницу, а после уж и идеи, если достаточно удобрим почву, унавозим ее»[5].

Интеллигенты, желающие научиться работать по-крестьянски, появились в имении Энгельгардта еще до публикации седьмого письма. По данным сына Александра Николаевича, Николая Энгельгардта, который собрал данные о «тонконогих»[6], проживавших в Батищеве, первый практикант приехал к его отцу летом 1875 года, это был офицер, герой взятия Ташкента, с двумя «Станиславами» за боевые заслуги (Энгельгардт, 1999б: 523). Работал ли кто-то в имении в 1876 года, неизвестно, но на следующий год практикантов было уже двое, а потом с каждым годом их приезжало все больше и больше. Всего Николай писал о 79 (55 мужчин и 24 женщины), из которых 14 получили аттестаты об умении отлично работать. При этом он не считал «наезжавших на несколько дней, на неделю и быстро остывавших в своем юношеском, непрочном порыве», тех, кто «приезжал в Батищево посмотреть, поучиться, поработать, живя на деревне и похаживая в имение» (Энгельгардт, 1999б: 567, 571). В реальности желающих было больше, Энгельгардт просто не мог принять их всех (содержание практикантов обходилось довольно дорого, да и не все имели намерения, на которые он рассчитывал, — научившись работать, «сесть на землю», то есть сделаться «интеллигентным» крестьянином).

Общественный идеал Энгельгардта не носил революционного характера. Он не сочувствовал тем, кто шел в деревню ради пропаганды, и считал, что такие люди «не знают ни русского быта, ни русского мужика, ни русской истории», а их деятельность бесплодна. Он рассчитывал, что в деревне молодежь будет селиться не ради народа, а ради себя, ради своей совести: «Сочувствую я тем просвещенным людям, которые, сознав несостоятельность

5. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2293; Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 1299. Л. 78 об.

6. А.П. Мертваго писал, что практикантов Энгельгардта называли «тонконогими» в связи с тем, что первый приехавший в Батищево обладал очень тонкими ногами (Мертваго, 1900: 44).

своей жизни, не удовлетворяясь деятельностью, представляющеюся им среди правящего класса, идут в мужики (без всяких задних мыслей) для того, чтобы трудами рук своих зарабатывать свой хлеб и жить не в разладе со своей совестью». Иначе таким людям «жизнь не в жизнь», они делают это «без всяких предвзятых мыслей о влиянии», которое будут оказывать на крестьян, не задумываясь о «полезности своей деятельности»[7].

Ставя перед интеллигенцией в деревне чисто культурнические задачи (Энгельгардт, 1999а: 303-304, 391-393), он резко осуждал не только революционные методы борьбы, но и революционный образ мышления. Он просил своих детей предупреждать желающих научиться работать, что он «не сочувствует революционерам, радикалам и прочим»[8]. Петербуржцев, среди которых особенно сильны были революционные настроения, Энгельгардт считал испорченными политикой людьми и не верил, что они способны к созидательной деятельности. В 1881 году, когда к нему поступали письма принять в работники в основном из столицы, он жаловался: «Нынче ко мне просится много тонконогих, но, к сожалению, все больше из Петербурга, откуда редко приезжают дельные люди. До сих пор из Петербурга все больше были пустые болтушки, которые потом и сами не знают, зачем приехали»[9].

Александр Николаевич предполагал, что интеллигентные земледельцы будут селиться общинами. Главной задачей интеллигентных поселений бывший профессор считал привнесение в деревню культуры и просвещения («нужен свет для того, чтобы разогнать тьму»). Общины интеллигентов должны послужить хозяйственными образцами для крестьянских общин, лучшими, чем «всякие образцовые казенные фермы или образцовые помещичьи имения» (Энгельгардт, 1999а: 415-416).

Необходимость именно общинной формы он обосновывал тем, что «при наших климатических и общественных условиях жить в одиночку интеллигентному человеку было бы очень трудно, в особенности на первых порах», поэтому лучше было бы интеллигентным людям «следовать примеру крестьян и соединяться в деревни, приобретать земли сообща, заводить хозяйство сообща, обрабатывать земли сообща» (Энгельгардт, 1999б: 528). Но вообще Энгельгардт на общинной форме не настаивал, считая, что «формы, в каких интеллигентные люди будут заводить хозяйство, могут быть различны» — «не в формах дело». Умеющие работать интеллигенты могли бы вступать в союз с крестьянами для совместного арендования и обработки земель, идти в крестьянские общины учителями, акушерками, докторами, агрономами, в качестве старост: «Покажи только, что ты действительно не праздноболтающийся, а настоя-

7. РГАЛИ. Ф. 572. Оп. 1. Л. 37. Л. 9-9 об.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1881 г. 3 делопр-во. Д. 181. Л. 65 об.
9. Там же. Л. 63.

щий, способный работать умственный человек — и община примет тебя, признает тебя своим, будет слушать тебя и твою науку» (Энгельгардт, 1999а: 416).

Однажды ученики Энгельгардта даже набросали план такой «интеллигентной деревни» с артельной формой организации труда, который предусматривал, что работать в ней будут наравне интеллигенты и крестьяне. Целью образования артели провозглашалось «устройство деревни, которая, соединяя интеллигента и мужика, могла бы влиять на округу, как в видах развития общественности, так и в виде поднятия уровня сельского хозяйства» (Мертваго, 1900: 56). Впрочем, именно этот вариант учениками Энгельгардта реализован не был.

Бывало, что Энгельгардта посещали сомнения относительно перспектив выделки из образованной молодежи «интеллигентных мужиков»: «Может быть, только из мужиков могут выйти новые свободные интеллигентные люди. Может, моя мысль, чтобы интеллигентные люди делались мужиками — фантазия. Может быть, нынешние интеллигентные люди должны сгнить в чиновничестве; может быть, наши интеллигенты только и могут, что быть чиновниками, и всегда земледельческий труд и вообще физический труд будет считаться черным трудом, недостойным интеллигентных людей» (Мертваго, 1900: 51). Принято считать, что вскоре он разочаровался в своей идее и перестал принимать учеников.

Умер Энгельгардт 21 января 1893 года, но стремление образованных людей «к земле» не иссякло и в 1890-е. Пусть не сразу, но через много лет из практикантов Энгельгардта вышло немало настоящих работников, для некоторых из них сельское хозяйство стало делом всей жизни. Было и несколько попыток организовать «интеллигентные земледельческие общины», причем воспитанник Энгельгардта З.С. Сычугов стал одним из основателей самой большой и известной такой общины — Криницы, существовавшей близ Геленджика с 1886 года до конца 1920-х годов. В конце 1880-х эстафету создания «интеллигентных» земледельческих поселений подхватили толстовцы, среди которых был и В.И. Скороходов, любимый ученик Александра Николаевича (Скороходов, 1914а, б, в, г, д, 1915, 1916).

«Историческое призвание русского помещика» Н.Н. Неплюева[10]

Николай Николаевич Неплюев (1851–1908) родился в Черниговской губернии в старинной дворянской семье, глава семейства которой, черниговский предводитель дворянства Н.И. Неплюев оставил о себе славу реакционера. Образование, поначалу домашнее,

10. Подробную историю Трудового Братства Неплюева см.: Гордеева, 2000: 120-126, 367-368; 1997.

Николай завершил в столице, в 1875 году он закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Получив диплом, был прикомандирован к Баварскому посольству в Мюнхене, но уже в 1877 году бросил дипломатическую карьеру и, возвратившись в Россию, поступил вольнослушателем в Петровскую академию.

Сам он объяснял свое решение влиянием совести, мучившей его в чужих краях, которая особенно давала о себе знать на светских вечерах, балах и высоких приемах. После подобных мероприятий он часто ощущал духовное томление, его не покидало сознание «собственной никчемности» (Неплюев, 1902а: 275). Мистик и визионер, он впоследствии не раз рассказывал, что важную роль в принятии этого решения сыграло сновидение, повторявшееся многократно, где он видел себя в простой избе, окруженным крестьянскими детьми с такими одухотворенными лицами, что он чувствовал необыкновенное умиротворение (Неплюев, 1902, Т. 5: 14)[11]. Раздумья о тяжелом положении крестьянства напомнили молодому дворянину вину его предков перед народом, по его словам, он начал «стыдиться прошлого своего сословия, как собственного греха», полюбив простой народ «не только любовью жалости, но и любовью раскаяния». Этот «кающийся дворянин» отнюдь не чувствовал себя «лишним человеком»: он решил лично принять «нравственную ответственность за предков перед детьми народа», вернуться в Россию и заняться делом народного образования.

Неплюев, как и другие участники коммунитарного движения, относился критически и к сложившейся в России социальной системе, и к деятельности революционных народников, критикуя не столько социальные идеалы последних, сколько методы их борьбы. Есть свидетельство, что известный народник Д.А. Лизогуб, в начале 1870-х годов мечтавший об интеллигентной колонии с целью привлечения в деревню интеллигенции, мог оказать влияние и на Неплюева (Хирьякова, 1932: 491)[12], который, однако, к идее насильственной революции относился резко отрицательно.

С сентября 1880 года Неплюев начинает активные выступления в печати, он выносит на суд общественного мнения свои мысли об «историческом призвании русского помещика» в обновленной России (Неплюев, 1880, 1881, 1882, 1883). О настроениях в современном ему российском обществе он писал:

«Многие реформы, и крупные реформы, были завершены, а всем казалось между тем, что это еще только начало, почти ничто, а что нечто заправское, хорошее где-то впереди. Об этом нечто — заправ-

11. Неплюев писал, что этот сон сбылся в мельчайших деталях через 5 лет.

12. Вполне возможно, что Неплюев и Лизогуб хорошо знали друг друга: их отцы были черниговскими помещиками, и Дмитрий, и Николай с 1871 по 1874 год учились на одном факультете Санкт-Петербургского университета, оба увлекались евангельскими идеалами.

ском и хорошем — страшно много мечтали, а оно все не приходило, будто все осталось по-прежнему. Крестьянин свободен, а ожидаемого преображения с ним от этого ни на другой, ни на третий день реформы не последовало. Дано земство и опять-таки заседающие в нем гласные не только в мудрецов, но даже и в заправских граждан не обратились, а остались все теми же обывателями россейскими. И возопили все разочарованные гласом велием. Пошел стон по земле православной. Какие это нам дали реформы, это не те, не заправские; дайте нам реформы заправские, а тогда, тогда... тогда вышло бы только, что и они не заправские».

Неплюев, высоко ценивший дух преобразований 1860–1870-х годов, однако, считал, что России в настоящее время необходимы не новые реформы, а новые люди и практическое осуществление христианских идеалов в общественно-политической жизни. Проблема в том, считал он, что под влиянием реформ изменились социальные учреждения, но люди остались все те же. Николай Николаевич не сомневался, что новые социальные учреждения повлияют на людей, по своему умственному и нравственному уровню пока еще до них не доросших, но свершится это постепенно, через несколько поколений. Во многом его проект был реакцией на неудовлетворенность общества результатами Великих реформ, стремлением защитить их дух и скорректировать их в христианском направлении.

Общественные идеи Неплюева отличаются ярко выраженной практической направленностью. В своих статьях он неоднократно писал, что мало иметь христианские идеалы, проблема России в том, что их никто не воплощает в жизнь, и призывал перейти «к честному осуществлению в собственной жизни того, что давно прекрасно проповедовалось и со всех церковных и многих университетских кафедр давно советовалось (альтруизм, общинное начало, единение и самопожертвование на пользу общую)» (Неплюев, 1903б: 11-12).

Что же конкретно предлагал он в начале 1880-х годов? В сложившейся в стране ситуации, писал Неплюев, нет смысла рассуждать о перспективах крупной земельной собственности, ее нужно принять как факт существующий, как «одну из могущественнейших сил государства, способною, как и всякая сила, быть употребленной с пользою» (Неплюев, 1902б: 243). Замечая, что «у цивилизованных народов “гнилого” Запада ужасаться и грустить о каком-нибудь зле — значит выискивать меры для борьбы с ним», «а у нас, “исторически воспитанных в духе бездеятельности, и скорбь, и ужас имеют более платонический характер» (Неплюев, 1902б: 245), Неплюев призвал помещиков к практической деятельности в направлении «улучшения крестьянского быта». Он согласился с тем, что универсального средства для улучшения положения крестьянства нет и не может быть и что меры, ведущие к поставленной цели, так же разнообразны, как разнообразны экономические условия раз-

личных регионов. Тем не менее Неплюев предложил всем сознательным помещикам «начать с малого»: после предварительного получения агрономического образования, знакомства с природными и экономическими условиями своего имения и местными мужиками устроиться в деревне. Как один из вариантов, писал Неплюев, для начала можно взять из беднейших семейств по одному ребенку на воспитание, вырастить их грамотными и трудолюбивыми, а впоследствии сдать им в аренду свою землю на выгодных условиях.

Неплюев был убежден, что «всякая революция вреднее всякого застоя. Полезен только мирный прогресс». Он опирался на идеи французского общества «социального мира» Фредерика Ле Пле, согласно которым, главной причиной всех революций является «дурное выполнение своего социального долга представителями социальных авторитетов. Когда духовенство, правительства, богатые люди и главы семей перестают сознавать свои нравственные обязанности и честно исполнять свой нравственный долг, нарушается социальная гармония и наступают такие социальные невзгоды, нетерпеливое желание отделаться от которых и приводит к социальным пароксизмам, именуемым революциями». Инициаторами экономического переворота в России должны стать, по мнению Николая Николаевича, сами помещики и государство: «Всякое изменение экономического строя должно исходить от людей имущих, для того, чтобы изменения эти не приобретали форму насилия» (Неплюев, 1902в: 307).

Николай Николаевич заявлял о необходимости мирного, постепенного, путем «малых дел» («лучше начать дело в малом размере, чем отложить его на неопределенное время») изменения социального строя страны «в духе христианства». Отрицая революционный путь, он тем не менее использовал слово «переворот» для указания на радикальность желаемых им изменений. «Хлебом насущным для России я считаю мирный переворот в экономическом строе страны и реорганизацию сельских школ в воспитательные заведения», — писал он в работе 1883 года «Хлеб насущный», где подробно рассматривал свой общественный идеал и пути его достижения (Там же).

Либеральная пресса насмешливо отнеслась к альтруистическим устремлениям очередного «кающегося дворянина». Наиболее показательным ответом на первое выступление Неплюева была статья профессора И.И. Иванюкова, напечатанная в «Новом обозрении» и озаглавленная «Один из вопросов русской культуры». В ней Иванюков, легальный марксист по своим убеждениям, начисто отверг возможность того, что призыв «русского помещика» будет услышан и подхвачен, по причине того, что помещикам это невыгодно и нет такого стимула, который мог бы заставить их изменить свое отношение к жизни.

Профессор, напоминая о недавней речи Ф.М. Достоевского на празднике в честь Пушкина, связал идеи Неплюева с теку-

щей полемикой по «весьма старому вопросу: что чему предшествует — улучшение нравственной стороны человечества социальным учреждениям или социальные учреждения нравственным свойствам?» (Иванюков, 1881: 86). По мнению Иванюкова, не общественная нравственность влияет на социальное устройство, а наоборот, и поэтому разрешение возникших в России проблем возможно только с помощью реформ, а не проповеди личного самоусовершенствования, которая представляет собой всего лишь «весьма приличный декор», дающий возможность, «защищать самый бессмысленный, самый вредный застой» (Там же). Вывод Иванюкова был категоричным: пока не будет сдвигов в учреждениях, нравы помещиков не изменятся, реформы учреждений — дело правительства, а «нравы и понятия суть только обусловливаемые фундаментом надстройки», главная же задача современности — «свести все социальные вопросы на экономические» (Там же: 102).

В ответ возмущенный до глубины души Неплюев опубликовал новую брошюру под названием «Совесть. Стимул, забытый профессором Иванюковым при перечислении стимулов, обусловливающих человеческие деяния». В ней он писал, что, «гоняясь за призраком еще лучших социальных учреждений, никто не думал делать и того, что вполне возможно было сделать и при существующих» (Неплюев, 1902г: 263). Он заявил, что не согласен почти ни с одним словом Иванюкова и, «невзирая на запрещение его и его науки», возьмется за то дело, которое решил сделать смыслом своей жизни, а не будет ждать «тех неизвестных социальных учреждений, которые неизвестно когда будут дарованы... неизвестно кем» (Там же: 266).

С 1880 года Неплюев поселился в родовых имениях в местечке Янполь и хуторе Воздвиженском Глуховского уезда Черниговской губернии. С помощью своей матери, урожденной баронессы Шлиппенбах, и сестер Ольги Неплюевой и Марии Уманец, борясь с непониманием со стороны отца, Неплюев начал свое дело с того, что взял на воспитание нескольких крестьянских детей из бедных семей с целью дать им христианское воспитание и сельскохозяйственное образование. В 1885 году в Воздвиженском им была учреждена мужская сельскохозяйственная школа, а в 1891-м открыта и женская. Школы пользовались огромной популярностью среди крестьян, в них давалось не только специальное образование, но и религиозно-нравственное воспитание, к тому же дети были на полном обеспечении при отсутствии платы за учебу.

В августе 1889 года состоялся первый выпуск сельскохозяйственной школы. Для выпускников, не захотевших расставаться со своим воспитателем, была организована сельскохозяйственная артель — Крестовоздвиженское Трудовое Братство. Идейные основы Братства Неплюев описал в ряде статей и книг, результа-

том его теоретической мысли была очень близкая к коммунитарной идеология, которая, однако, имела своим основанием христианские идеи.

Социальный идеал Неплюева носил христианско-социалистический характер: его идея трудовых братств предполагала воспитание в крестьянах христианского духа и «дисциплины» любви, но также и создание земледельческих артелей, которые будут арендовать землю и обрабатывать ее сообща (Неплюев, 1902в: 304)[13]. Трудовые братства могли бы стать основой «бесконечного мирного прогресса»: Неплюев надеялся, что его дело будет подхвачено богатыми людьми, представителями других слоев российского общества и самим государством, по всей России будут возникать новые братства, и не только земледельческие, а и промышленные, торговые, братства людей либеральных профессий. Цель же — не столько экономическая, сколько идеологическая — доказать «возможность организации всех родов труда, земледелия, промышленности и торговли на братских началах, чуждых тех приманок корысти, которые обращают весь мир в одну биржу» (Неплюев, 1902д: 19-20).

Каждый выпуск давал Братству новых членов, оно росло, обрабатывало взятую у Неплюева в аренду землю, строилось и благоустраивалось. Неплюев считался Блюстителем Братства, которое управлялось Думой, а делилось на братские семьи, каждая из которых занималась каким-то особым видом деятельности (семья учителей, прачек и т. д.) и носила имя какого-нибудь святого. Утверждение устава Братства заняло целых восемь лет (первая попытка была предпринята в декабре 1885 года, при учреждении мужской школы, а утвержден устав был лишь в декабре 1893 года), поэтому официальная церемония его открытия состоялась только 22 июля 1895 года. И светские, и духовные власти опасались Неплюева, ведомого сильным религиозным чувством, и всячески препятствовали его начинаниям. Часть работ Неплюева была напечатана за границей по цензурным соображениям.

К 1900 году Братство насчитывало 150 человек, а вместе с воспитанниками школ общее количество «неплюевцев» превышало 300. В декабре 1901 года Неплюев передал в дар Братству недвижимое имущество, состоявшее из 16 435 десятин земли с лесом, постройками и заводами. Несмотря на то что Братство знало трудные времена, когда существование внутренней оппозиции ставило его на грань разрушения, Неплюев считал свой опыт удавшимся. В 1903 году он писал: «Двадцати лет радостных трудов оказалось достаточным, чтобы частный человек мог подарить церкви и отечеству своему живую, здоровую клетку, состоящую из живых ду-

13. Для этих целей он находил справедливым даже обязательное отчуждение у помещиков, за соответствующее вознаграждение, земель, которые не обрабатываются собственными средствами, а сдаются ими в аренду.

хом и здоровых телом и духом людей, сплоченных любовью к Богу и к друг другу в одну братскую семью, полную духа мира и единения в братолюбии... Создать трудовое общество с этим характером было для меня насущною потребностью веры, разума, совести и любви к Богу, моему Государю, Церкви Православной, к моему отечеству, к дворянству, интеллигенции, народу и всему человечеству. Теперь это сокровище я приношу в дар России» (Неплюев,1903а: 33).

Скоропостижная смерть Неплюева в 1908 году не означала конец его дела. Во главе Братства стала его сестра М.Н. Уманец, а воспитанные им братчики сумели справиться и с хозяйством, и с внутренним управлением общины, число членов которой росло и вскоре достигло 500 человек. После Октябрьской революции христианские формы общежития Трудового Братства были превращены в «коммунистические», на его месте были коммуна, артель и совхоз (Авдасев, 2013: 266-267; Игнатович, 2018). Выселение в конце 1920-х годов братчиков из Воздвиженского обернулось не только ломкой их судеб, но и полным забвением дела Неплюева и его идей до начала 1990-х годов.

Неплюев соединил в себе черты христианского социалиста и русского народника, консервативного романтика западного образца и очень нетипичного славянофила, последовательного социального утописта, редчайшего типа православного коммунитариста и экумениста. Опыт Неплюева по созданию братства в настоящее время изучается в Свято-Филаретовском православно-христианском институте и частично претворяется в жизнь в Преображенском содружестве малых братств.

Специфика общественного идеала участников коммунитарного движения заключалась в том, что они рассматривали его как альтернативу и насильственной революции, и либеральной программе прогресса путем изменения «внешних» социальных учреждений. А.Н. Энгельгардт, Н.Н. Неплюев и многие другие их единомышленники имели собственные представления о методах улучшения общества — они представляли их непременно мирными, связанными с повседневной преобразовательной деятельностью на локальном уровне, связанными с общинными традициями русского народа, но в то же время радикальными, направленными на коренное переустройство общества и самого духа отношений между людьми и социальными группами. В рамках данного направления, которое в последней четверти XIX века было сосредоточено на «малых делах», в истории России впервые возникает идея, согласно которой «малые дела» и на первый взгляд незначительные изменения в исторической перспективе могут повлечь за собой большие социальные и культурные последствия поистине революционного характера. В следующем, XX веке этот подход будет воспринят массовыми социальными движениями пацифистского толка, влияние которых в мире ощутимо до сих пор.

ИСТОРИЯ

А[лександр] Н[иколаевич] Энгельгардт (22 июля 1832 г. — 21 января 1893 г.): [Некролог] (1893). СПб.: Тип. В. Демакова. С. 7-8.

Авдасев В.Н. (2013). Коммуна и коммунизм: Об истории Воздвиженского Трудового Братства в советский период 1918–1929 гг. // Служение Богу и человеку в современном мире: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 28–30 сентября 2011 г.). М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение». С. 266-267.

Гордеева И.А. (1997). Н.Н. Неплюев: Судьба помещика в пореформенной России: Дипл. работа студентки 5-го курса Историко-архивного института. М.: Рос. госуд. гуманит. ун-т.

Гордеева И.А. (2000). Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в.: Дис. … к-та ист. наук. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т.

Грунт З.А. (1990). Альтернативное движение и общество: Опыт американского коммунитаризма // Массовые движения в современном обществе. М. С. 84-102.

Иванюков И.И. (1881). Один из вопросов русской культуры: (По поводу брошюры Неплюева) // Новое обозрение. № 1.

Игнатович Н.Д. (2018). К вопросу об истории Крестовоздвиженского Братства в советское время // Православные братства в истории России: К 100-летию воззвания патриарха Тихона об образовании духовных союзов: В 2 ч. Ч. 2. М. С. 230-244.

Кривенко С.Н. (1879). Физический труд как необходимый элемент образования. СПб.

Мертваго А.П. (1900). Не по торному пути: Из воспоминаний (1878–1888 гг.). СПб.

Неплюев Н.Н. (1880). Историческое призвание русского помещика. М.

Неплюев Н.Н. (1881). Совесть. Стимул, забытый проф. Иванюковым при перечислении стимулов, обусловливающих человеческие деяния. Страница из жизни помещика. М.

Неплюев Н.Н. (1882). Мысли и советы искреннего друга. М.

Неплюев Н.Н. (1883). Хлеб насущный. М.

Неплюев Н.Н. (1902а). Полное собрание сочинений. СПб.

Неплюев Н.Н. (1902б). Историческое призвание русского помещика // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.

Неплюев Н.Н. (1902в). Хлеб насущный // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.

Неплюев Н.Н. (1902г). Совесть. Стимул, забытый профессором Иванюковым при перечислении стимулов, обусловливающих человеческие деяния. Страница из жизни помещика // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.

Неплюев Н.Н. (1902д). К лучшему будущему // Неплюев Н.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3.

Неплюев Н.Н. (1903а). Доклад Глуховскому комитету высочайше утвержденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине. СПб.: Тип. Тиханова.

Неплюев Н.Н. (1903б). Частное ответное письмо Н.Н. Неплюева на письмо священника Иванова. СПб. С. 11-12.

Осадчий Т. (1897). Образованные земледельцы в Южной Руси. Киев.

Скороходов В.И. (1914а). Из воспоминаний старого общинника. У Энгельгардта и в Буковской общине // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 2. С. 129-138.

Скороходов В.И. (1914б). Из воспоминаний старого общинника. У Энгельгардта и в Буковской общине // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 3. С. 92-101.

Скороходов В.И. (1914в). Из воспоминаний старого общинника. Глава II. На Кавказе // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 4. С. 93-100; № 6. С. 99-103; № 7. С. 101-104; № 8-9. С. 119-127.

Скороходов В.И. (1914г). Воспоминания старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 11. С. 77-84.

Скороходов В.И. (1914д). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 12. С. 65-82.
Скороходов В.И. (1915). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 5. С. 83-91.
Скороходов В.И. (1916). Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. № 7/8. Стб. 211-224.
Харламов В.И. (1990). Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х гг. XIX в. // Революционеры и либералы России. М.: Наука.
Хирьякова Е. (1932). Воспоминания и некоторые сведения о Дмитрии Андреевиче Лизогубе // Звенья. М.; Л. Вып. 1.
Энгельгардт А.Н. (1999а). Из деревни, 12 писем, 1872–1887. СПб.
Энгельгардт Н.А. (1999б). Александр Николаевич Энгельгардт и батищевское дело // Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872–1887. СПб.

“Small deeds” in the Russian communitarian movement

Irina A. Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, Department of Church-History Disciplines, Faculty of History, St. Philaret’s Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062. E-mail: gordnepl@gmail.com

The article considers the ideas and work of Alexander Engelgardt (1832-1893) and Nikolai Nepluev (1851-1908) as the first stage of the communitarian version of the “small deeds” branch in the Russian populist movement of the 1870-1890s. The common features of Engelgardt and Nepluev projects were their communitarian spirit and practical orientation. Moreover, they were landowners who questioned the role of their estates in Russia after the Great Reforms. The social ideals of Engelgardt and Nepluev opposed both the concept of violent revolution and the idea of liberal reforms. They insisted that the methods of social development had to be (1) peaceful and based on the everyday local transformations in the spirit of “small deeds”, thus, following the communal traditions of the Russian peasantry; (2) radical enough to ensure both deep transformations of the Russian society and the very type of its social relations. Engelgardt aimed at making the Russian village cultural by turning educated people into “intelligent peasants”. In the late 1870s — early 1880s, in his estate Batischevo in the Smolensk Province, he tried to “produce” intelligent peasants. On the contrary, Nepluev tried to “produce” intelligent peasants from peasant children by agricultural education and Christian upbringing. He succeeded in establishing the Orthodox Exaltation-of-the-Holy-Cross Labor Brotherhood that combined the ideas of Christian community and labor *artel* (1890s — late 1920s)

Key words: “small deeds” theory, Russian communitarian movement, Alexander Engelgardt, Nikolai Nepluev, Exaltation-of-the-Holy-Cross Labor Brotherhood, Russian populism

References

A[leksandr] N[ikolaevich] Engelgardt (22 iyulya 1832 g. — 21 yanvarya 1893 g.): [Obituary] (1893), Saint Petersburg: Tipographiya V. Demakova, pp. 7-8.
Avdasev V.N. (2013) Kommuna i kommunizm: Ob istorii Vozdvizhenskogo Trudovogo Bratstva v sovetsky period 1918–1929 gg. [Commune and communism: On the history of the Exaltation Labor Brotherhood in the Soviet period of 1918–1929]. *Sluzheniye*

Bogu i cheloveku v sovremennom mire, Moscow: Kulturno-prosvetitelsky fond "Preobrazhenie", pp. 266-267.

Gordeeva I.A. (1997) *N.N. Neplyuev: Sudba pomeshchika v poreformennoy Rossii* [N.N. Neplyuev: The fate of the landowner in the post-reform Russia]: Diplomnaya rabota studentki 5-go kursa Istoriko-arkhivnogo instituta, Moscow: RGGU.

Gordeeva I.A. (2000) *Kommunitarnoe dvizhenie v Rossii v posledney chetverti XIX v.* [The communitarian movement in Russia in the last quarter of the 19th century]: Diss. k.i.n., Moscow: RGGU.

Grunt Z.A. (1990) Alternativnoe dvizhenie i obshchestvo: Opyt amerikanskogo kommunitarizma [Alternative movement and society: American communitarianism]. *Massovye dvizheniya v sovremennom obshchestve*, Moscow, pp. 84-102.

Ivanyukov I.I. (1881) Odin iz voprosov russkoy kultury: (Po povodu broshyury Neplyuyeva) [One question of the Russian culture: (on Neplyuev's booklet)]. *Novoe obozrenie*, no 1.

Ignatovich N.D. (2018) K voprosu ob istorii Krestovozdvizhenskogo Bratstva v sovetskoye vremya [On the history of the Exaltation-of-the-Holy-Cross Brotherhood in the Soviet period]. *Pravoslavnye bratstva v istorii Rossii: K 100-letiyu vozzvaniya patriarkha Tikhona ob obrazovanii dukhovnykh soyuzov,* vol 2, Moscow, pp. 230-244.

Krivenko S.N. (1879) *Fizichesky trud kak neobkhodimy element obrazo-vaniya* [Physical Labor as a Necessary Element of Education], Saint Petersburg.

Mertvago A.P. (1900) *Ne po tornomu puti: Iz vospominaniy (1878–1888 gg.)* [Not the Beaten Track: From Memoirs (1978-1888)], Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1880) *Istoricheskoe prizvanie russkogo pomeshchika* [Historical Calling of the Russian Landowner], Moscow.

Neplyuev N.N. (1881) *Sovest. Stimul, zabytiy prof. Ivanyukovym pri perechislenii stimulov, obuslovlivayushchikh chelovecheskie deyaniya. Stranitsa iz zhizni pomeshchika* [Conscience. A Stimulus Forgotten by the Prof. Ivanyukov in the List of Human Behavior Incentives. A Page from the Landowner's Life], Moscow.

Neplyuev N.N. (1882) *Mysli i sovety iskrennego druga* [Thoughts and Advice of a Sincere Friend], Moscow.

Neplyuev N.N. (1883) *Khleb nasushchny* [Daily Bread], Moscow.

Neplyuev N.N. (1902a) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works], Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1902b) Istoricheskoe prizvanie russkogo pomeshchika [Historical calling of the Russian landowner]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3., Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1902v) Khleb nasushchny [Daily bread]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1902g) Sovest. Stimul, zabyty professorom Ivanyukovym pri perechislenii stimulov, obuslovlivayushchikh chelovecheskie deyaniya. Stranitsa iz zhizni pomeshchika [Conscience. A stimulus forgotten by the Professor Ivanyukov in the list of human deeds incentives. A page from the landowner's life]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1902d) K luchshemu budushchemu [For a better future]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol 3, Saint Petersburg.

Neplyuev N.N. (1903a) *Doklad Glukhovskomu komitetu vysochayshe utver-zhdennogo Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh selskokhozyaystvennoy promysh-lennosti po voprosu o krestyanskoy obshchine* [Report to the Glukhov Committee of the Highest Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry on the peasant community], Saint Petersburg: Tipographiya Tikhanova.

Neplyuev N.N. (1903b) *Chastnoe otvetnoe pismo N.N. Neplyueva na pismo svyashchennika Ivanova* [Private reply letter of N.N. Neplyuev to the priest Ivanov], Saint Petersburg.

Osadchy T. (1897) *Obrazovannye zemledeltsy v Yuzhnoy Rusi* [Educated Farmers of Southern Russia], Kiev.

Skorokhodov V.I. (1914a) Iz vospominaniy starogo obshchinnika. U Engelgardta i v Bukovskoy obshchine [From the memoirs of the old community member. At Engelgardt's and in

the Bukovsky community]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 2, pp. 129-138.

Skorokhodov V.I. (1914b) Iz vospominaniy starogo obshchinnika. U Engelgardta i v Bukovskoy obshchine [From the memoirs of the old community member. At Engelgardt's and in the Bukovsky community]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 3, pp. 92-101.

Skorokhodov V.I. (1914v) Iz vospominaniy starogo obshchinnika. Glava II. Na Kavkaze [From the memoirs of the old community member. Chapter 2. In the Caucasus]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 4, pp. 93-100; no 6, pp. 99-103; no 7, pp. 101-104; no 8-9, pp. 119-127.

Skorokhodov V.I. (1914g) Vospominaniya starogo obshchinnika [Memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 11, pp. 77-84.

Skorokhodov V.I. (1914d) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 12, pp. 65-82.

Skorokhodov V.I. (1915) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 5, pp. 83-91.

Skorokhodov V.I. (1916) Iz vospominaniy starogo obshchinnika [From the memoirs of the old community member]. *Ezhemesyachny zhurnal literatury, nauki i obshchestvennoy zhizni*, no 7/8, pp. 211-224.

Kharlamov V.I. (1990) Publitsisty "Nedeli" i formirovanie liberalno-narodnicheskoy ideologii v 70–80-kh gg. XIX v. [Publicists of the Nedelya and the development of the liberal-populist ideology in the 70s–80s of the 19th century]. *Revolyutsionery i liberaly Rossii*, Moscow: Nauka.

Khiryakova E. (1932) Vospominaniya i nekotorye svedeniya o Dmitrii An-dreeviche Lizogube [Memories and some information about Dmitry Andreevich Lizogub]. *Zvenya*, Moscow–Leningrad, issue 1.

Engelgardt A.N. (1999a) *Iz derevni, 12 pisem, 1872–1887* [From the Village, 12 Letters, 1872–1887], Saint Petersburg.

Engelgardt N.A. (1999b) Aleksandr Nikolaevich Engelgardt i batishchev-skoe delo [Alexander Nikolaevich Engelhardt and the Batishchev case]. *Iz derevni. 12 pisem, 1872–1887*, Saint Petersburg.